

Вопросы общественно-политической жизни в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха»

Великий русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881), отбывая каторгу и ссылку как «политический преступник» за участие в социалистическом кружке Петрашевского, в письмах к брату Михаилу выражал горячее желание продолжать литературное и публицистическое творчество. Так, в январе 1856 года Достоевский писал: «Я хочу писать и печатать. Более чем когда-нибудь я знаю, что я недаром вышел на эту дорогу и что я недаром буду бременить собою землю»¹; «...я буду хлопотать о позволении печатать. Может быть, я успею написать очень скоро одну статью о России, патриотическую» (15, 117).

Михаил Михайлович Достоевский (1820–1864) – беллетрист, поэт, переводчик, литературный критик – решил издавать журнал, в котором беспрепятственно мог бы публиковать свои произведения его брат – к тому времени уже хорошо известный в России писатель (роман в письмах «**Бедные люди**» (1845), повести «**Двойник**», «**Белые ночи**», «**Неточка Незванова**» и др.).

Именно М. М. Достоевский стал организатором, издателем и главным редактором журналов «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865). «Мысль его состояла в том, что нужен свежий литературный орган, независимый от обязательных журнальных преданий, вполне самостоятельный, чуждый партий, чуждый застарелых, преемственных и почти бессознательных антипа-

тий, не поклоняющийся авторитетам и совершенно беспристрастный. С другой стороны, необходимо обращение к народности, к началам народным и возбуждение оторвавшегося от почвы общества к изучению народа нашего и к уверованию в правду основных начал его жизни» (11, 361), – так впоследствии Ф. М. Достоевский характеризовал в общих чертах программу журналов, открытых старшим братом.

После его смерти в статье «**Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском**» («Эпоха», 1864, № 6) писатель высоко оценил деятельность брата именно как издателя и редактора: «Всегда буквально заваленный работою по изданию, он сам писал в журнале мало; всего было только несколько статей его, в отделении критики. Те, которые упрекают редакторов в том, что они мало пишут и, стало быть, как бы пользуются чужими трудами, не понимают, что говорят. Если редактор действительно занимается сам своим журналом, то дух, цель, направление издания – всё исходит от него. Он мало-помалу неприметно окружает себя постоянными, согласными в убеждениях сотрудниками. Он, часто неприметно для самих сотрудников, наводит их на мысль писать именно о том, что надо журналу. От редактора исходит единство и целостность журнала» (11, 363–364).

М. М. Достоевский работал с полной самоотдачей: «Наблюдательность

¹ Достоевский Ф. М. Собр. соч. и писем: В 15 т. – Л.: Наука, 1988–1996. – Т. 15. – С. 111–112. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы



Ф. М. Достоевский

и вдумчивость в жизненные явления во многом обеспечивали его от ошибок и придавали всегдашнюю трезвость взгляду его. Он горячо, с страстным участием следил за движением современной общественной жизни и, сколько я помню, почти всегда составлял себе о нём точное мнение. Он был знаток европейских языков и литератур, много читал и всегда умел угадать то, что надо читателю и чем наиболее интересуется русский читатель в данный момент. Состав книжек журнала, выбор статей, выбор вопросов, о которых именно теперь нужно бы говорить и о чём журналу надо дать своё мнение. <...> Он лучше готов был выдать книгу совершенно без того или другого отдела, если на тот раз не имел, чем заместить его, чем наполнять журнал чем-нибудь и как-нибудь» (11, 362–365). Самоотверженный труд по изданию журналов – буквально до последнего вдоха – стал

настоящим самопожертвованием главного редактора: «...доктора предупредили его об опасности; но он не хотел, несмотря на их приказания, перестать работать. Он занимался даже накануне смерти» (11, 365).

Журналы братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» – «с жаждой идеала и с потребностью нравственного убеждения» (11, 362) – были организованы и издавались в тот исторический период, когда Россия переживала подъём общественной жизни после крестьянской реформы 1861 года – отмены крепостного права – и связанных с ней других реформ. В этих условиях происходило бурное развитие отечественной журналистики. В ней отражался мощный всплеск политических, социально-экономических, культурно-эстетических, иных позиций и мнений в их переплетении и полемическом заострении.

Настроения и волнения, идейно-эмоциональный накал той кипучей эпохи ярко выразились в воспоминаниях П. Н. Ткачёва, который, будучи 18-летним студентом, был заключён в Кронштадтскую крепость за участие в студенческих волнениях 1861 года и впервые выступил в печати на страницах журнала «Время» в 1862 году. Это был «самый разгар того, всем памятного, так бурно начавшегося, так много надежд и иллюзий возбудившего и так внезапно и неожиданно прекратившегося периода нашего “общественного возрождения”, периода, когда каждый живой человек восчувствовал непреодолимую потребность как можно скорее “высказаться”, как можно скорее поделиться с своими ближними запасом мыслей и чувств, накопившихся в глубоких тайниках его души в тяжёлые, бесконечные дни его “обязательного молчания”»².

Русской журналистике верилось в неограниченность её собственных сил и возможностей по дальнейшему преоб-

² Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. – М., 1940. – С. 223–224.

разованию жизни России. М. М. Достоевский «желал непрерывного усовершенствования журнала и верил в успех» (11, 365). Единomyшленник братьев Достоевских, православный философ-почвенник, публицист и литературный критик журналов «Время» и «Эпоха» Н. Н. Страхов писал: «Это было именно время надежд и порываний. Все умы были в таком возбуждённом состоянии, всё пришло в такое брожение, что, по видимому, могли совершиться самые невероятные вещи. Чувство действительности потерялось; казалось, чего мы захотим, то и сделаем»³.

Основательно забытые либо неизвестные страницы периодики того времени, той эпохи перекликаются с событиями сегодняшними и могли бы стать не просто любопытными, но весьма поучительными материалами в непростой ситуации эпохи нынешней.

Журнал «Время» был официально разрешён как «литературный и политический». Общая демократическая направленность издания выражала прежде всего дух горячего сочувствия простому народу, страдающему от угнетения, бесправия, вопиющего социального расслоения и неравенства в царской России.

Реформа 1861 года во многом носила грабительский характер, не облегчала жизнь крестьян, но окончательно их разоряла. Об этом с горькой иронией писал поэт Фёдор Берг в стихотворении «**Зайка**» («Время», 1862, № 12):

*Нынче мужички-то хорошо живут.
Нынче мужичкам-то волюшку дают.
Волюшку-свободу, волю-вольную,
Что на все иди четыре стороны...*

Русская жизнь после отмены крепостного права рисовалась совсем не в идиллических красках. Так, полон тоски заунывный тон, пессимисти-



М. М. Достоевский

ческий смысл стихотворения Алексея Плещеева «**Родное**» («Время», 1862, № 8):

*Свесилась уныло
Над оврагом ива,
И всё дно оврага
Поросло крапивой.*

*В стороне могила
Сиротеет в поле:
Кто-то сам покончил
С горемычной долей!*

*Вон вдали чернеют,
Словно пни, избушки;
Не из той ли был он
Бедной дереvушки?*

*Там, чай, труд да горе,
Горе без исхода...
И кругом такая
Скудная природа!
Рытвины да кочки,
Даль полей немая;
И летит над ними
С криком галок стая...*

*Надрывает сердце
Этот вид знакомый...
Грустно на чужбине,
Тяжело и дома!*

³ Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. – СПб., 1883. – С. 195–196.

Поэтическим откликом на жизнь царской России явилось стихотворение Ф. Берга «В поле» («Время», 1862, № 9), которое поэт опубликовал с посвящением «Ф. М. Достоевскому». Кольцевая композиция этого произведения представляет собой горячую молитву о лучшей доле для истерзанной русской земли:

*Дай тебе Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!*

*Как эти сёла, как эти поля
Крепко сроднились со мною...
<...>*

*Дай тебе Боже, родная земля,
Мудрых вождей и великих,
Чтобы не слышали эти поля
Криков проклятия диких,*

*Чтоб не лилась неповинная кровь,
Слёз неутешных не лилось –
Чтоб вековечно святая любовь
В грешных сердцах воцарилась!*

В журналах братьев Достоевских помещались также зарубежные политические обозрения. В 1861–1862 годах главное место в них занимала Италия, её борьба за независимость и объединение раздробленной страны. В особом фокусе внимания был лидер национально-освободительного движения Джузеппе Гарибальди, его незаурядная личность и роль в освобождении Италии от иноземного владычества. Подробно освещая «итальянский вопрос», «Время» в своём первом номере извещало о победоносном походе Гарибальди на север Италии: «Вся Европа следила за этим шествием с самым напряженным любопытством <...> И деловой человек, и государственный муж, и простой работник, и поэт – в то время принимались за своё дело не иначе как с мыслью: что-то делает Гарибальди? что он потом станет делать?» (3, 566).

Героический образ Гарибальди как символ восстания, протеста против угнетения нашёл своеобразное воплощение в творчестве Достоевского. В том

же первом номере «Времени» писатель поместил фельетон «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861). Его герой – бедный, забитый, мелкий чиновник: «Ни протеста, ни голоса в нём никогда не бывало <...> Ходил мой чудак сторбившись, смотрел в землю <...> на-верное, на Невском никогда не являлось существа покорнее и безответнее <...> Дома у него была старая тётка, родившаяся с зубной болью и подвязанной щекой, и ворчунья жена, с шестерыми детьми. И когда все дома просили хлеба, рубашек и обуви, он сидел себе в уголку у печки, не отвечал ни слова, писал казённые бумаги или упорно молчал, опустил глаза в землю и что-то прищёптывая, как будто замаливал у Господа свои преступления» (3, 487).

Но покорное терпение внезапно закончилось совершенно неожиданным образом: «...когда слёзы, попреки и терзанья дошли наконец до последней степени, бедняк вдруг поднял голову и <...> проговорил так странно, что его отвезли в сумасшедший дом. И могло же войти ему в голову, что он – Гарибальди!» (3, 488). Непозволительное в полицейско-бюрократической России «вольномыслие», которое всегда теплилось в душе «маленького человека» и которого сам же он пугался, вырвалось на поверхность в виде безумной идеи, «что он-то и есть Гарибальди, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей» (3, 488).

Так, в помешательстве на имени итальянского предводителя народного освободительного движения обнаружился глубоко затаённый протест русского человека против несправедливости, мечта об избавлении от социального гнёта и притеснений.

Ещё одна остроактуальная тема международных обозрений в журнале «Время» – война северных и южных штатов Америки за освобождение чернокожих невольников. В России эта тема воспринималась как жгуче злободневная, поскольку очевидным было сопоставление

с подготовкой и проведением крестьянской реформы, призванной освободить народ от крепостнического рабства.

В то же время политические обозрения «Времени» справедливо вскрывали не только бессмысленную жестокость, но и своекорыстную сущность американской войны: «В Северной Америке резня продолжается с изумительным зверством и полнейшей бесполезностью... И вся эта ужасающая бойня людская, где каждый месяц у обеих воюющих сторон выбывает из строя по нескольку десятков тысяч человек, убитых и раненых в двух-трёх сражениях, происходит из-за таможенных сборов, из-за денег, из-за барышей... Велика сила ваша, о барыши»⁴.

Меркантильные денежные интересы – основная пружина социально-политической жизни Франции, которая также была неизменной темой международных обозрений в журналах «Время» и «Эпоха»: «...нынешнее поколение французов служит исключительно денежным интересам и дальше денег и помимо денег ничего не видит и видеть не хочет и, что всего плачевнее, кажется, потеряло способность видеть»⁵.

«Время» указывало на убожество «общественно-политической жизни во Франции и её замены торжественно пышной риторикой речей, восхваляющих режим. <...> При помощи цензуры и полиции проводится систематический обман бедных граждан, которым внушается вера в великолепное политическое и экономическое положение страны, в её процветание, могущество и военные успехи. Между тем весь этот шум и декларации построены на сплошном обмане. <...> Итак, от принципов 1789 года ничего не осталось, забыты идеи революции 1848 года, конституция 1852 года поглощена диктатурой императора. У депутатов парламента, путём хи-

тро организованных через префектов выборов, полицейского вмешательства и цензуры, зажат рот, сенат полностью состоит из тех, кому выгоден существующий режим. Печать выражает лишь официальную точку зрения, общественное мнение задавлено цензурой и развернутой сетью шпионажа. <...> Огромные государственные долги, зато гремит военная слава, воздвигается триумфальная арка, идёт перестройка Парижа. Никто не выражает желаний, намерений, надежд»⁶. «Пока вы сохраняете эти порядки, откажитесь от чести управлять народом свободным. <...> всё молчит и не выступает наружу, благодаря заведённому порядку... Центр политики заключается в голове императора, он не даёт никому отчета, и французы ничего не знают, что их ожидает»⁷, – писал политический обозреватель журнала «Время» А. Разин.

Тему жизни Франции, которая явно отреклась от своих революционных идеалов *Liberté, égalité, fraternité* – свободы, равенства, братства, также подробно освещал Достоевский на основе личных наблюдений от своей заграничной поездки по странам Европы в очерках «**Зимние заметки о летних впечатлениях**» («Время», 1863, № 2–3). Писатель задавался вопросом: «Что такое *liberte*? Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать всё что угодно в пределах закона. Когда можно делать всё что угодно? Когда имеешь миллион. Даёт ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно» (4, 427). Но и до поры благоденствующий миллионер-буржуа «за благоденствие своё платит ужасно и всего боится, именно потому, что всего достиг. Когда всего достигаешь, тяжело становится всё потерять» (4, 432).

⁴ Цит. по: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». – М.: Наука, 1972. – С. 161.

⁵ Там же. С. 168.

⁶ Там же. С. 166–168.

⁷ Там же. С. 167–168.